

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2026 Н. В. Шляхтина
Москва, Россия

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО НАРОДА В ЭКСПЕДИЦИОННОЙ РАБОТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ 1920-х годов

Аннотация. В статье разворачивается картина формирования и деятельности научных учреждений, отвечавших задачам, поставленным перед этнографией государством в 1920-е годы. Показывается обширный состав участников этого проекта: ученых, организаторов, краеведов, представителей смежных дисциплин. Рассматриваются основные экспедиции, их география, тематика, методики, комплексный подход, вопросы финансирования и организации; сбора и научной атрибуции вещевого материала, отчетности, хранения, презентации, публикации результатов экспедиций; называются теоретические проблемы, ставившиеся участниками полевых исследований, показывается междисциплинарное сотрудничество. Отмечается, что этнографии 1920-х годов удалось сохранить и продолжить дореволюционные традиции.

Ключевые слова: советская этнография, 1920-е годы, этнографические научные центры, этнографы, антропологи, экспедиции, изучение русского народа, вопросы преемственности с дореволюционной школой, государственные задачи этнографии.

Ссылка при цитировании: Шляхтина Н. В. Изучение русского народа в экспедиционной работе этнографических учреждений 1920-х годов // Традиции и современность. 2026. № 45. С. 3–24

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006)

Шляхтина Наталья Валерьевна (Shlyakhtina Natalya Valerjevna) – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, эл. почта: natalja.25.256@mail.ru ORCID ID <https://orcid.org/0000-0002-9321-8863>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2026. № 45. С. 3–24

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 0.99; 82-96; 397; ББК – 63.3 (2 Рос.); 86.39; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2026-45/3-24>

Институт антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР создан в 1933 г. в Ленинграде для координации работы местных этнографических учреждений и проведения исследований в области этнической антропологии и фольклористики. В 1937 г. реорганизован в Институт этнографии АН СССР (с 1990 г. – Институт этнологии и антропологии). До 1943 г. находился в Ленинграде. С 1943 г. центр работы перенесен в Москву. Московское отделение получило статус самостоятельного НИИ, а Ленинградское, включавшее Музей антропологии и этнографии, – статус филиала.

Научная деятельность Института всегда предусматривала экспедиционные исследования, обеспечивающие материалом итоговые монографические издания по отдельным народам и разработку вопросов этногенеза и общих проблем этнографии.

До 1933 г. русской этнографической наукой был накоплен значительный опыт полевых исследований, связанный как со сбором материала, так и с его хранением и интерпретацией.

Одной из задач созданной в XVIII в. Российской академии наук было изучение населения Российской империи, в связи с чем организовывались многолетние экспедиции в Поволжье, Приуралье, Сибирь, Забайкалье.

Созданное в середине XIX в. Русское географическое общество проводило исследования через филиалы в различных губерниях, включавшие этнографические отделы. Для удобства сбора, систематизации и сопоставления собираемых материалов была подготовлена специальная «Программа для собирания сведений по этнографии».

В конце XIX в. князь В. Н. Тенишев создал частное «Этнографическое бюро» и разработал «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России».

В иницированную центральными учреждениями исследовательскую полевую деятельность включились тысячи корреспондентов, собирателей, повсеместно открывались краеведческие общественные и музейные центры.

В послереволюционное время этнографическая полевая работа продолжалась несколькими центральными и многими местными научными учреждениями, по своим целям, научному багажу, методике являвшимися наследниками дореволюционных организаций и представленными работой уже опытных, сформировавшихся на традициях русской дореволюционной этнографии специалистов.

Ведущую роль играл Российский этнографический музей, куда из экспедиций поступали многочисленные экспонаты и где хранились этнографические архивы (в частности Тенишевский), иллюстративные и фотографические фонды. РЭМ – крупней-

ший научно-методический центр для этнографов, историков, специалистов по народному творчеству народов Российской империи – СССР – России.

Основан музей в 1902 г. До 1918 г. он назывался Этнографическим отделом Русского музея Императора Александра III, в 1918–1934 гг. – Этнографическим отделом Государственного Русского музея, в 1934–1948 гг. – Государственным музеем этнографии, в 1948–1991 гг. – Государственным музеем этнографии народов СССР, с 1991 г. – Российским этнографическим музеем.

В советское время исследованиями великорусов в нем занималось Отделение этнографии великорусского народа и финских племен (в разные периоды менявшее свое название в связи с реорганизациями: Первое отделение, отдел «Русские», отдел РСФСР, отдел восточных славян, Русский отдел).

Другой петербургский музей – Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), ведущий историю с начала XVIII в., – МАЭ, на базе которого был создан и существовал первые десять лет Институт этнографии АН СССР и который до 1992 г. был его филиалом, в затем стал независимым научным учреждением (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого).

Не меньшую по масштабу работу проводило Отделение этнографии Русского географического общества (основано в 1845 г.; в 1925–1939 гг. – Государственное географическое общество; в 1939–1992 – Географическое общество СССР, или Всесоюзное географическое общество; с 1992 г. – вновь Русское географическое общество), научный архив которого аккумулировал тысячи документов этнографического характера. Важным направлением работы РГО являлось составление этнографических карт. Этот опыт в первую очередь был востребован в 1920-е годы.

На основе Постоянной комиссии по составлению этнических карт России при этнографическом отделении Императорского Русского географического общества в 1917 г. была создана Комиссия по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран при Академии наук – КИПС (на ее базе в 1930 г. создан Институт по изучению народов СССР – ИПИИ, вошедший в 1933 г., вместе с Музеем антропологии и этнографии, в состав Института антропологии, археологии и этнографии).

Комиссия среди прочего готовила проведение переписи населения 1926 г. и издала фундаментальные этнографические карты, которые легли в основу административно-территориального деления страны.

Этнографические полевые исследования русского народа осуществлялись и в рамках деятельности Российской академии истории материальной культуры – РАИМК (1919–1937 гг.). Ее основными задачами были археологические и художествен-

но-исторические исследования памятников истории, контроль всех археологических раскопок и реставрационных работ.

РАИМК – преемница существовавшей с 1859 г. Санкт-Петербургской Императорской археологической комиссии, на основе которой в 1918 г. была создана Российская Государственная Археологическая комиссия, преобразованная в 1919 г. в РАИМК. В 1926 г. переименована в Государственную Академию истории материальной культуры – ГАИМК, в 1937 г. преобразуется в Институт истории материальной культуры АН СССР (ИИМК) с отделениями в Москве и Ленинграде. В 1959 г. ИИМК переименован в Институт археологии с Ленинградским отделением, которое в 1991 преобразуется в самостоятельное археологическое учреждение – Институт истории материальной культуры.

Комиссия объединяла видных ученых эпохи, занимавшихся изучением быта, культуры и хозяйственных укладов различных народов. В рамках работы комиссии вырабатывались передовые для того времени методы экспедиционных исследований, которые позволили качественно пополнить коллекции. Многие труды и методические подходы комиссии впоследствии легли в основу исследований Института этнологии и антропологии РАН.

В связи с полевым этнографическим изучением русских упомянем еще три центральных музея.

Государственный центральный музей народо-ведения создан в Москве в 1924 г. на базе национализированного Дашковского этнографического музея (экспонаты этнографических выставок 1862 г. в Лондоне и 1867 г. в Москве) и этнографических отделов Румянцевского музея (открыт в 1828 г.). В 1934 г. переименован в Государственный музей народов СССР. В 1948 г. расформирован и его огромные коллекции переданы в ленинградский РЭМ (в 1948 г. назывался Государственным музеем этнографии народов СССР) и частично в московский Музей народов Востока.

Государственный музей Центрально-Промышленной области. Музей был задуман в рамках масштабного краеведческого движения начала 1920-х годов. Его главная цель заключалась в том, чтобы всесторонне показать природные богатства, экономику и этнографию Центральной России. Занимался масштабным изучением, сбором и публикацией материалов о материальной культуре, быте и ремеслах народов центральной части России). К началу 1930-х годов расформирован, коллекции переданы в Московский областной музей в Истре и другие профильные фонды.

В 1920-е годы этнография развивалась в тесном союзе с географией. Это было связано с необходимостью картографирования различных этнических

территорий внутри государства и оценки их готовности к экономическим и социальным реформам.

Центральный географический музей (1919–1937 гг.) – междисциплинарный проект 1920-х годов, разработанный В. П. Семёновым-Тян-Шанским на основе авторской методологии, изданной в 1913 г.

Музей функционировал при Географическом институте, созданном в 1918 г. для комплексного изучения естественных производительных сил страны (куда включались и людские ресурсы). Идейной основой его создания были российские научные географические школы конца XIX – начала XX в.: труды В. В. Докучаева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. И. Воейкова и Д. Н. Анучина, который еще в 1915 г. предложил организовать в России Центральный географический институт для изучения «внутренних частей нашего отечества». С 1922 г. проводил стационарные общегеографические полевые практики, заложившие основу полевых исследований. В 1925 г. включен в состав Ленинградского государственного университета в качестве географического факультета.

Наряду с центральными, буквально в каждом крупном городе работали научные учреждения и организации с этнографическим профилем. Для координации их работы в 1922 г. решением Первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края создано Центральное бюро краеведения при АН СССР (ЦБК, просуществовало до 1937 г.). Бюро сотрудничало с Институтами истории, географии, литературы, выступало координирующим органом почти для двух тысяч краеведческих, этнографических, исторических и естественно-научных обществ во всех регионах. С 1925 г. бюро перешло в ведение Главного управления научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука – в составе Народного комиссариата просвещения РСФСР, функционировала с 1922 по 1933 г.), что позволило согласовывать работу с музейным, архивным и издательскими отделами и губернскими отделами народного образования. Главнаука осуществляла общее государственное руководство и финансирование научных институтов, обществ и лабораторий, ведала всеми музейными фондами, занималась утверждением научных работников, распределением пайков и ресурсов.

С 1923 по 1929 г. ЦБК издавало журнал «Краеведение». Также существовали региональные аналоги, например, «Московский краевед» (1927–1930 гг.). На страницах «Краеведения» публиковались итоги и методики полевых этнографических исследований.

Главнаука, в ведении которой работало ЦБК, с 1926 по 1930 г. издавала журнал «Этнография», ставший эффективной площадкой для публикации

материалов экспедиций, разбора теоретических проблем, обсуждения методики полевой работы. Журнал являлся преемником выпускавшегося Этнографическим отделом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) с 1889 по 1916 г. «Этнографического обозрения». С 1931 по 1991 г. назывался «Советская этнография»¹ и издавался Издательством АН СССР. В 1992 г. журналу возвращено историческое название «Этнографическое обозрение». Учредителем журнала выступает Институт этнологии и антропологии РАН, журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН.

К организациям, осуществлявшим в советское время активную полевую деятельность, можно отнести и этнологический факультет Московского государственного университета. Он являлся преемником дореволюционной кафедры географии и этнографии историко-филологического факультета и послереволюционного этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук, существовал с 1925 по 1929 г., затем был преобразован в историко-этнологический. После расформирования факультета в 1931 г. традиция полноценного этнографического образования возобновилась лишь с 1939 г., когда на историческом факультете МГУ по инициативе С. П. Толстова была основана кафедра этнографии, существующая по сей день (с 1992 г. называется кафедрой этнологии).

В Ленинградском государственном университете (преемнике Санкт-Петербургского университета, существовавшего в составе Санкт-Петербургской академии наук с 1724 г.) этнографическое отделение в 1920-е годы функционировало в рамках географического факультета.

Студенты и преподаватели МГУ и ЛГУ активно участвовали в экспедиционной работе.

Упомянутые научные организации, деятельность которых в той или иной мере предшествовала изысканиям Института этнографии, связаны еще и тем, что в них работали нередко одни и те же специалисты, которые личной деятельностью объединяли их методически, практикой полевых исследований, хранения и анализа материалов. Они заложили научную основу полевой работы и в большей части составили элиту, костяк этнографов-полеводов Института этнографии.

Так, организатор крупнейших в 1920-е годы экспедиций и новатор экспедиционной работы Давид Алексеевич Золотарев (1885–1935) работал заведующим отделением этнографии великорусского народа и финских племен Этнографического отдела Русского музея в 1921–1930 гг., профессором кафедры антропологии и этнографии Петербургского университета, в советское время преподавал в не-

скольких учебных заведениях, в том числе как профессор антропологии и музееведения в Центральном географическом музее. Участвуя до революции в работе Постоянной комиссии по составлению этнографических карт России (в 1916–1919 гг. ее секретарь), в советское время, с 1921 по 1929 г., заведовал Европейским отделом Комиссии по изучению племенного состава населения (КИПС) и был председателем его Русско-финской секции. Заведовал разрядом этнографии и этнической антропологии Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), в 1928–1930 гг. – секретарь отделения этнографии Государственного географического общества, член редколлегии журналов «Краеведение», «Известия РГО», «Этнография», «Человек», координировал исследовательскую деятельность музеев, академических учреждений, научных обществ – содействовал созданию в больших и малых городах обществ по изучению родного края, организовывал краеведческие съезды и конференции, председатель антрополого-этнографической секции Ленинградского общества изучения местного края.

Постоянные участники экспедиционных проектов Д. А. Золотарева – Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова.

Елена Эдуардовна Бломквист (1890–1956) – ученица Д. А. Золотарева. С 1921 г. работала в отделении этнографии великороссов и финнов Этнографического отдела Государственного Русского музея под руководством Д. А. Золотарева. Участница многочисленных экспедиций, организованных Русским музеем, РАИМК, Музеем антропологии и этнографии, преподавала в Ленинградском государственном университете, возглавляла этнографическую секцию в Центральной экскурсионной базе Ленинградского Губполитпросвета в 1924–1927 гг. С 1925 г. – действительный член Русского географического общества. С 1935 г. перешла на работу в Институт антропологии и этнографии АН СССР и с 1945 г. возглавляла ленинградскую группу славяно-русского сектора Института.

Надежда Павловна Гринкова – известный советский этнограф, фольклорист, диалектолог. Научными руководителями Гринковой были профессор Н. М. Каринский, академик А. А. Шахматов, академик Е. Ф. Карский. С 1920 г. преподавала на этнографическом отделении Географического института, а также работала в Постоянной комиссии карт и путей Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). С 1921 г. – научный сотрудник этнологического отделения РАИМК – под руководством Д. А. Золотарева. Секретарь Сказочной комиссии Русского географического общества. Работала в Этнографическом отделе Государственно-

го Русского музея. Преподавала в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена (ЛГПИ), где в 1942–1961 гг. заведовала кафедрой русского языка.

Владимир Владимирович Богданов (1868–1946) – один из ведущих специалистов в области русской и славянской этнографии. В 1943–1946 гг. – заведующий славяно-русским сектором Института этнографии. В 1920-х годах возглавлял масштабные исследования традиционной культуры русского населения северо-восточных и южных областей Европейской части России.

В 1894–1930 гг. – секретарь Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которым с 1890 по 1923 г. руководил Дмитрий Николаевич Анучин и которое до революции являлось центром антропологических и этнографических исследований в России. С 1908 г. – хранитель отдела этнографии Румянцевского музея. В 1924–1930 гг. – заведующий отделом русской и славянской этнографии Центрального музея народоведения. Инициатор создания (в 1919 г.) и до 1930 г. директор Государственного музея Центрально-Промышленной области, в котором начинали свою научную работу многие советские этнографы и археологи. В эти же годы председатель Этнологического отдела и заведующий Московской секцией Российской (затем – Государственной) академии истории материальной культуры. В 1921 г. избран председателем Московского отделения Центрального бюро краеведения. Преподавал в МГУ и Московском областном педагогическом институте. В 1934–1940 гг. участвовал в работе Научно-издательского института Большого советского атласа мира (НИИ БСАМ).

С 1899 г. работал секретарем редакции, а затем до 1916 г. был фактическим редактором журнала «Этнографическое обозрение», сыгравшего важную роль в развитии русской этнографии. Вокруг журнала группировались основные этнографические кадры того времени. В 1920-е годы Владимир Владимирович Богданов инициировал выпуск журнала «Этнография» как преемника «Этнографического обозрения». Роль журнала в формировании тематики и стандартов советской этнографии обеспечивалась видными учеными, вошедшими в его редколлегия: С. Ф. Ольденбург, Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз, Д. А. Золотарев, Б. М. Соколов, В. Н. Харузина.

Наталья Ивановна Лебедева (1894–1978) – в будущем активный и опытный сотрудник Института этнографии, работала в сотрудничестве с Г. С. Масловой, специалист по прядению, ткачеству, одежде. В начале 1920-х годов – ученица В. Н. Харузиной; в 1922–1924 гг. была сотрудником Румянцевского музея, в 1924–1932 гг. – помощником заведующего отделом русской этнографии, секретарем этноло-

гической комиссии московской секции ГАИМК, товарищем секретаря отдела этнографии ОЛЕАЭ. В 1922–1931 гг. работала в Государственном центральном музее народоведения. Участник многочисленных экспедиций в Рязанскую, Московскую, Тульскую, Калужскую, Псковскую, Новгородскую, Смоленскую обл. и в Белоруссию.

Гали Семёновна Маслова (1904–1991) – ученица Н. И. Лебедевой и В. В. Богданова, известный советский ученый-этнограф, крупнейший специалист по этнографии русского народа и верхневолжских карел, руководитель этнографических экспедиций, опытный музейный работник, участник основных обобщающих коллективных исследований по этнографии народов СССР, автор ряда монографических изданий и научных статей. С 1924 г. работала в этнологическом подотделе Музея Центрально-Промышленной области. В 1928–1930 гг. – секретарь Этнологической секции Общества изучения Московского края, с 1933 г. – заведующая секцией изучения национальных меньшинств Московской обл., в 1935–1948 гг. работала в Музее народов СССР (последовательно в секторе Севера и Сибири, отделе Карело-Финской ССР, Русском отделе). С 1954 г. – сотрудница Института этнографии.

Вера Юрьевна Крупянская (1897–1985) – одна из опытных этнографов-полевиков Института этнографии, в 1920-е годы работала научным сотрудником в Саратовском этнографическом музее под руководством профессора Б. М. Соколова, а затем переехала по его приглашению в Москву для работы в Центральном музее народоведения, в 1931–1934 гг. – научный сотрудник Центрального музея железнодорожного транспорта.

Борис Матвеевич Соколов (1889–1930) – известный фольклорист, этнограф, музеевед. Еще до революции участвовал в фольклорно-этнографических экспедициях. В 1918–1919 гг. заведовал Русским отделом этнографического отделения Румянцевского музея. С 1919 по 1924 г. работал в Саратовском университете, организовал Этнографический музей Саратовского края. С 1924 г. – директор Центрального музея народоведения в Москве. Действительный член Государственной академии художественных наук с 1924 г. Сотрудник Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Ответственный секретарь журнала «Этнография». В 1926–1928 гг. организовал совместно с братом Юрием Матвеевичем Соколовым экспедицию в Карелию, с целью пройти по следам известных собирателей эпической поэзии – П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга.

В этой экспедиции 1927–1928 гг. участвовал молодой тогда фольклорист и этнограф Владимир Иванович Чичеров (1907–1957) – ученик Ю. М. и

Б. М. Соколовых, который позже подготовил материалы экспедиции к изданию. Владимир Иванович Чичеров с 1949 по 1953 г. заведовал сектором славяно-русской этнографии Института этнографии. С 1953 г. – профессор МГУ. В послевоенные годы В. И. Чичеров возглавлял студенческие экспедиции в Архангельскую обл. и Заонежье.

Сергей Павлович Толстов (1907–1976) – заведующий кафедрой этнографии МГУ с 1939 г., директор Института этнографии с 1942 по 1965 г., ученый секретарь Президиума АН СССР. В 1953 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1946–1966 гг. главный редактор журнала «Советская этнография». В 1950–1952 гг. возглавлял Институт востоковедения СССР. С 1964 г. вице-президент Международного союза антропологических и этнографических наук.

В 1920-е годы, еще будучи студентом, участвовал в многочисленных антропологических и этнографических экспедициях, в том числе совместно с Н. И. Лебедевой и Г. С. Масловой, работал в Московском областном музее Наркомпроса заведующим этнологическим отделом (1926–1929), затем в Центральном музее народоведения заведующим отделом Средней Азии (1929–1936), в 1927–1934 гг. работал над сбором этнографических коллекций для Центрального музея народоведения, писал в журнал «Этнография» статьи об изучении русского жилища. В 1930-х годах руководил Московским отделением Института истории материальной культуры. Как и многие этнографы того времени, он не занимался только одним народом, имел широкий кругозор. И главное – в ходе экспедиций, общения с опытными полевыми выработывал подход к организации экспедиционного дела, который в полной мере проявился в послевоенных комплексных экспедициях Института этнографии.

Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) – классик восточнославянской этнографии. В 1916–1925 гг. профессор Харьковского университета. С 1925 г. профессор этнографического отделения Ленинградского государственного университета и член-корреспондент АН СССР. В 1926–1933 гг. научный сотрудник Музея антропологии и этнографии, с 1926 г. сотрудник ГАИМК. В 1933–1949 гг. работал в Институте этнографии АН СССР. Его библиографические разборы изданий по этнографии русского народа и восточных славян до революции и в послереволюционные годы, публиковавшиеся в этнографических журналах и содержавшие точную научную оценку методов, трудов и теорий, были маяком в научной работе многих ученых, корректировали и задавали направления исследований. Д. К. Зеленин своими обзорами, оценками, преподавательской и издательской деятельностью помог

становлению советских восточнославянских исследований. В частности, непреходящее значение имело его трехтомное «Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества». Д. К. Зеленин в 1920-е годы принимал участие в работе краеведческих организаций Урала, Сибири, Центральных, Восточных и Западных областей СССР, переписывался с собирателями. Участвовал в экспедициях. Понимание включенности каждого элемента в общую картину народной культуры передавал начинающим этнографам, призывая от частных идти к теоретическим обобщениям, к пониманию этнических и исторических процессов. Д. К. Зеленин возглавлял этнографо-фольклористическое подразделение «Живая старина» при научно-исследовательском Институте сравнительной истории литератур и языков Запада и Востока (ИЛИЯЗВ) в Ленинградском государственном университете. В его задачи входили сбор, анализ и публикация материалов по народному быту, традициям, языку и устному народному творчеству. Д. К. Зеленин организовывал этнографические экспедиции молодых ученых и студентов. В 1926 г. он исследовал крестьянское искусство в Карельской АССР от Государственного института истории искусств и в 1926 и 1927 гг. – народную технику и фольклор в Акмолинской губ. и на Алтае.

Необходимый обзор основных учреждений и специалистов полевой работы в области русской и славянской этнографии в 1920-е годы показывает, что в этой науке удалось сохранить и продолжить дореволюционные традиции, несмотря на значительные организационные и идеологические реформы первых лет советской власти. Эти традиции проявлялись в тесной связи с музеями, научном внимании к картографированию, понимании важности краеведческого движения, постоянном совершенствовании методик экспедиционной работы.

Это видно прежде всего при подробном исследовании опыта довоенных этнографических экспедиций.

Экспедиционные работы подразделялись на несколько этапов: определение темы – ее предварительная архивная и историографическая проработка – рекогносцировочные поездки – организация экспедиции (вопросы финансирования, определения состава участников и маршрутов, выборки информантов) – полевой сбор материала – научная обработка его и презентация в докладах, публикациях, на выставках.

Крупнейшим проектом 1920-х годов была организованная Д. А. Золотаревым Верхневолжская этнологическая экспедиция 1921–1925 гг. в Бежецкий, Весьегонский, Мологский, Пошехонский, Да-

ниловский, Ростовский, Ржевский, Костромской, Вышневолоцкий, Устюженский, Тотемский, Тверской уезды Тверской, Ярославской, Костромской и Вологодской губерний.

Ей предшествовала маршрутная рекогносцировочная поездка 1920 г. в Бежецкий, Весьегонский, Мологский и Рыбинский уезды и сбор группой сотрудников библиографии по антропологии, этнографии, диалектологии и колонизации Тверской и Ярославской губерний. Таким образом вопросы этнической истории и этнических взаимодействий русских изначально были теоретической проблемой исследований.

Состав экспедиции менялся в зависимости от средств: сначала 5 человек, в 1922 г. – 17; в 1925 – 4. Более трех лет с Д. А. Золотаревым работали Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова.

В состав экспедиции вошли специалисты по антропологии, этнографии и лингвистике. Было привлечено 28 местных сотрудников музеев, преподавателей, краеведов. Когда столичные ученые уезжали, местные продолжали работу, за счет чего полевой сезон длился от двух до четырех месяцев.

Д. А. Золотарев придавал особое значение организации массовой и стационарной работы, для чего были изданы анкеты, программы, памятка для местных сотрудников, читались доклады и отчеты, устраивались вечера народного творчества в городах и селах района работ экспедиции.

Архив и весь собранный материал: 50 рукописей, около 12 000 частушек, больше 1000 антропометрических карточек, около 800 рисунков и планов, больше 800 фотографий. Более 2500 этнографических предметов приобретено для Русского музея.

В целях ознакомления с результатами работ экспедиции в 1925 г. в залах Российской академии истории материальной культуры была устроена выставка работ экспедиции: представлены архив, научный инвентарь, образцы черновых записей, карточек, зарисовок, альбомы законченных рисунков и фотографий, серии больших рисунков, планов и чертежей, иллюстрирующих определенные темы, карты, диаграммы и рукописи.

В связи с выставкой были прочитаны доклады на основании материалов экспедиции, в том числе: Д. А. Золотаревым «Работа этнологической экспедиции за 4 года и верхневолжская деревня», Е. Э. Бломквист «Украшение крестьянских построек», Н. П. Гринковой и С. А. Ереминым «Язык и этнология (опыт применения лингвистики в этнологических работах экспедиции)» (Зеленин 1927, 1926; Золотарев 1924; Верхневолжская 1926).

Д. К. Зеленин отмечал вклад экспедиции в изучение русского жилища, выразившийся в издании специального тома: Верхне-Волжская этнологиче-

ская экспедиция. Крестьянские постройки Ярославского и Тверского края (Л.: Издание Государственной академии истории материальной культуры, 1926. – 173 с.).

По итогам экспедиций под руководством Д. А. Золотарева были подготовлены и в 1924–1927 гг. изданы карты Мурманской губ., Северо-Западной обл. и Карелии, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой, Тверской губерний и губерний Поволжья. Золотарев снабдил карты подробным пояснительным материалом. Данные карт использовались при проходившем в 1920-е годы национально-территориальном размежевании страны. Изданы не потерявшие и ныне своего значения труды по антропологии, этнографии, географии, фольклористике, методике научно-исследовательской, полевой и экспозиционной работ.

Материалы экспедиции интересовали и партийные, и производственные структуры, так как помогали в учете природных ресурсов, миграций населения в связи с сезонностью занятий, центров ремесленного производства, структуры сельского и промыслового хозяйства.

Экспедиции Д. А. Золотарева по масштабу, значимости, результатам приравнялись к своего рода автономным научным учреждениям, занявшим особое место в истории отечественной этнографии (Королькова, Петряшин, Фишман, Шангина 2026).

Государственная академия истории материальной культуры с 1925 г. проводила Юго-восточную экспедицию под руководством Д. А. Золотарева (участники: Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова и др.).

Задачей экспедиции являлось систематическое изучение этнографических особенностей населения южнорусских губерний, по примеру аналогичных работ в Верхнем Поволжье. В 1925 и 1926 гг. полевые работы велись в Воронежской губ. Одной из частных задач обследования было сравнительное изучение двух групп русского населения – бывших однодворцев и бывших помещичьих крестьян; в южных уездах губерний соответствующая задача ставилась по изучению русских и украинцев, живущих в непосредственном соседстве. Этнографы собирали материалы по материальной, духовной культуре и по экономике. В качестве маркеров этничности использовались данные о языке, одежде, жилище. Подобно Верхневолжской, экспедиция носила комплексный характер.

Воронежская экспедиция стала известной и благодаря открытию южнорусской сказочной традиции в лице Анны Куприяновны Барышниковой. Н. П. Гринкова познакомилась со сказительницей в с. Большая Верейка Землянского у. В 1926 г. опубликовала статью «Сказки Куприянихи», после которой

Анна Куприяновна получила всероссийскую известность, была принята в Союз писателей и позже награждена орденом Трудового Красного Знамени.

Работа в экспедициях специалистов по этнографии, фольклористике, диалектологии продолжала открывать богатство, красоту, разнообразие русского фольклора. Фольклорная традиция отражала и праздничную, и бытовую, и трудовую культуру, мировоззрение и историческую память. Благодаря деятельности ученых она сохранялась в аудиозаписях и публикациях.

В 1927 г. Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова работали в Казахстанской экспедиции (Юго-Западный Алтай, бассейн р. Бухтармы и истоки р. Катунь) и привезли интересный материал о бухтарминских старообрядцах, ставший основой для совместной книги. Руководитель этой комплексной экспедиции С. И. Руденко пригласил этнографов для изучения части русского населения Казакстана (до нового национально-административного деления район входил в Алтайский горный округ и принадлежал к Змеиногорскому у. Томской губ.) и выявления традиций взаимоотношений с казахами. Этнографические и главным образом лингвистические исследования показали, что бухтарминцы по происхождению являются северными великорусами, и их путь на Алтай лежал через Вятскую и Пермскую губернии (Бломквист, Гринкова 1930: 1, 449–452). Пример исследования небольшой, казалось бы, группы бухтарминцев показывает, что этнографы не ограничивались описанием достаточно ярких внешних характеристик, а ставили их в контекст этнической истории, истории освоения русскими Сибири – проблемы, которой будет посвящено немало исследований во второй половине XX в.

А в 1928 г. Гринкова и Бломквист стали участниками Башкирской экспедиции АН СССР (где, среди прочего, исследовали похоронную обрядность русских староверов д. Большие Ключи).

В экспедициях от Государственного центрального музея народоведения в этот период активно работали Н. И. Лебедева и С. П. Толстов (Шиллинг 1926, 1927, 1928; Ильинская 1930).

Во время экспедиций осуществлялось научное сотрудничество с краеведческими обществами и организациями, где участники экспедиции делали свои доклады (среди прочих – Брянским и Калужским обществами изучения местного края). Такая же деятельная связь поддерживалась с местными музеями: с одной стороны – изучались их коллекции, с другой – участники экспедиций давали указания и советы по реорганизации музеев, по методам и планам собирания и пр. (в частности для музеев Калуги, Брянска, Полтавы, Миргорода, Харькова, Нижнего Новгорода).

В 1925 г. музей организовал более 20 этнографических «поездок». Н. И. Лебедева обследовала южнорусское население Брянской, Орловской и Калужской губерний, а также Дмитровского у. Московской губ.

В Ветлужском р-не Нижегородской губ. сотрудники музея работали в составе Комплексной антропологической экспедиции Антропологического научно-исследовательского института при 1 Московском государственном университете² под руководством известного антрополога и этнографа Бориса Сергеевича Жукова (1892–1934).

Борис Сергеевич Жуков (1892–1934) – ученик Д. Н. Анучина. Работал в Центральном музее народоведения, в Институте антропологии МГУ (заместитель директора и заведующий палеоэтнологической лабораторией), член Московской секции Государственной академии истории материальной культуры, член Центрального бюро краеведения. Среди его учеников – М. Г. Левин, С. П. Толстов, Н. Н. Чебоксаров и др.

Б. С. Жуков, как и Д. А. Золотарев, выступал за комплексный подход, предполагавший сочетание разных дисциплин с их методиками (Жуков 1927; Сорокина 2022).

Эта экспедиция была организована 1 МГУ при участии и поддержке Нижегородского губотдела Ассоциации по изучению производительных сил, Центрального музея народоведения в Москве, Нижегородского историко-бытового музея и других учреждений. В ее задачи входили антропологические, этнографические и палеоэтнологические исследования, связанные с учетом демографических и некоторых экономических данных.

Ветлужская экспедиция 1925–1926 гг. стала первым этапом этого масштабного проекта. За этнографическую часть отвечал отряд под руководством С. П. Толстова. До 1929 г. Центральный музей народоведения проводил исследования в рамках этой работы в различных районах Центральной России (Брянская, Орловская, Калужская, Рязанской губерний) и Поволжья.

В 1926 г. Русское отделение музея осуществило четыре поездки. Самой значительной признана поездка Н. И. Лебедевой в районы Смоленской, Брянской, Гомельской и Черниговской губерний. Н. И. Лебедева прорабатывала тему западной границы типов культуры, аналогичных с элементами южнорусскими, а также установления элементов культуры областей, спорных по этническому составу: в Рославльском и Ельнинском уездах – контакт русской и белорусской культур; в Суражском, Мглинском, Стародубском уездах – белорусской и украинской, в Поченском и Новгородсеверском – русской и украинской. Изучались жилище, костюм,

средства передвижения, промыслы (ткачество, гончарство, рожечное производство) и явления из области духовной культуры (праздники годового круга, аграрные обряды, обряды, связанные со скотоводством, культ предков и др.). Приобретена коллекция до 170 предметов.

В публикациях по итогам экспедиций, в том числе и отчетных, обращалось внимание на методу исследований. Важным достижением называлось системное описание явлений материальной и духовной культуры. Почти во всех полевых работах применялся метод соединения экспедиционного обследования целого района со стационарным изучением отдельных типичных селений.

В 1927–1928 гг. изучению славянских народов музей посвятил четыре поездки. Экспедицией в Белоруссию руководила Н. И. Лебедева (маршрут протяженностью более 320 км).

Экспедиция проработала ряд основных этнографических тем по жилищу, одежде, ткачеству, сельскохозяйственным орудиям, кустарным промыслам, средствам передвижения, рыболовству, пчеловодству, утвари, музыкальным инструментам, игрушкам, аграрным обрядам, а также собрала материалы по истории и экономике селений. Приобретенная экспедицией коллекция послужила основой для развернутого в музее весной 1928 г. Белорусского зала.

Профессор Б. М. Соколов возглавлял экспедицию в район Кенозера Вологодской губ. (1927 г.) и в район Водлозера Карельской республики (1928 г.). Экспедиции проходили в сотрудничестве с фольклорной экспедицией Государственной Академии художественных наук (ГАХН). В области изучения материальной культуры экспедиции собрали ценный материал по крестьянским постройкам и коллекции по набойкам, рыболовству, охоте, костюму.

В 1928–1929 гг. Н. И. Лебедева как опытных этнограф-полевик и представитель Восточнославянского отделения Центрального музея народоведения работала в с. Бояновичи Брянской губ. в качестве приглашенного Совкино консультанта. Это было первым опытом совместной работы этнографического музея с киноорганизацией, в результате которого Музей приобрел ценный кино- и фотоматериал, зафиксировавший трудовые процессы и обрядовые действия в их динамике.

Подготовка этнографических фильмов была частью начатой в 1920-х масштабной государственной программы по созданию серии из 150 культурно-просветительских фильмов о различных регионах и народах страны. Назывался проект «Киноатлас СССР» и был заморожен в 1930-е. Со стороны научного этнографического сообщества его разрабатывали в визуально-этнографических лабораториях в Ленинграде (руководители В. Г. Богораз из

Музея антропологии и этнографии и Л. Л. Капица из Этнографического отдела Русского музея) и в Москве – при Центральном музее народоведения под руководством Бориса Матвеевича Соколова.

Будучи опытным полевиком, Б. М. Соколов использовал экспедиции для планомерного пополнения базы кинофотодокументов. В докладе на Втором совещании этнологов Центрально-Промышленной области в 1927 г. он отметил, что залогом создания правдивого, научно достоверного фильма является тесный контакт консультанта (ученого) и кинооператора (Культура и быт 1929: 230).

Успех документального этнографического фильма «В брянском Полесье» во многом был обеспечен консультациями Н. И. Лебедевой. Картина содержала сведения по этнографии местного населения (промыслы, уход за посевами, сбор урожая, домашние работы, интерьер изб, будни церкви и монастыря, крестных ход, водосвятие, свадебный обряд, поминание усопших) и истории советского строительства в крае (крестьянские собрания, работа кооперативных артелей, механизация вспахивания и уборки). Была показана и жизнь города (Брянск) – школы, больницы, дома культуры и пр. (Головнев 2021). Таким образом соблюдалась последовательность изложения, характерная и для экспедиционных отчетов этого времени: от традиций и заблуждений к колхозам и социальным благам.

В первой половине 1920-х годов Государственный музей Центрально-Промышленной области (Н. И. Лебедева, А. Г. Данилин, Б. А. Куфтин) провел ряд экспедиций по своему региону (Государственный музей 1926; Толстов 1927, 1928; Лебедева 1923).

В 1923–1924 гг. Н. И. Лебедева ездила в Сапожковский, Данковский, Скопинский, Рязанский и Рязанбургский уезды Рязанской губ., занимаясь районированием типов одежды и орнаментов на ней. В 1925 г. Н. И. Лебедева работала в Масальском, Спас-Деменском и Перемышльском уездах Калужской обл. В результате этих поездок музей обогатился многими предметами (преимущественно одежда) и графическими материалами (фотографии и зарисовки жилища, домашней утвари, средств передвижения и т. п.).

В 1926 г. Н. И. Лебедева под руководством Б. А. Куфтина участвовала в экспедиции в с. Мелихово Сасовского у. Рязанской губ. для собирания сведений по материальной культуре населения, музейных закупок и изучения троичских обрядов. В 1927 г. – в экспедиции музея в южную часть Рязанской и Тульской губерний.

В 1925 г. Г. С. Маслова работала в Кашинском и Бежецком уездах Тверской губ. Экспедиция в Кашинский и Елатомский уезды Рязанской губ. проведена сотрудниками ГМЦПО и Рязанского музея.

С 1926–1927 гг. сотрудниками музея А. Г. Данилиным и Г. С. Масловой полевые этнографические работы велись главным образом в связи с озерной комплексной экспедицией музея в районе Спасских озер (Великое и Святое) в Рязанской губ. по изучению рыболовного промысла и быта рыбаков, преимущественно материальной культуры. Но попутно собирались сведения и по духовной культуре — бытовым обрядам и верованиям.

В этом же году Г. С. Маслова работала в Пошехонском у. Ярославской губ., изучая материальную культуру местного русского населения и приобретая предметы для музейной коллекции.

Отметим обязательную для музеев проработку собранных в экспедициях материалов. Она проводилась в течение зимы, на основе нее готовились новые экспозиции. С. П. Толстов участвовал в этой работе, составляя для экспозиции карту типов крестьянских построек Центрально-Промышленной области и смежных районов. Научные публикации по итогам полевых работ выходили в выпусках «Трудов музея Центрально-Промышленной области».

В 1927 г. отрядом под руководством С. П. Толстова, в состав которого входила и Г. С. Маслова, а также сотрудники Вязниковского музея и студенты-антропологи 1 МГУ, были проведены работы по изучению материальной культуры населения юго-восточной части Владимирской губ. по маршруту Вязники–Муром–Елатьма.

Летом 1928 г. музеем ЦПО совместно с Тверским музеем была осуществлена комплексная экспедиция в Тверскую губ., в которой приняли участие, помимо этнологов, палеоэтнологический, экономический (сельскохозяйственный и кустарно-промышленный) и естественно-исторический отряды. Этнологическое изучение велось двумя отрядами — Карельским (Тверской, Бежецкий, Верхне-Волоцкий и Ржевский уезды) под руководством С. П. Толстова и Велико-русским (Осташковский у.) под руководством Г. С. Масловой. В работах принимали участие и два студента-антрополога 1 МГУ. Осенью 1928 г. осуществилась этнолого-экономическая экспедиция в Тульскую губ., в которой от музея приняли участие Н. И. Лебедева и Г. С. Маслова.

Этнографический отдел Государственного Русского музея (А.З. 1927; *Зарембский* 1926) в 1925 г. осуществил экспедиции: Саяно-Алтайскую под руководством С. И. Руденко (продолжалась в 1927–1929 гг.), Лапландскую, Ленинградскую и Велико-русскую под руководством Д. А. Золотарева. В Велико-русской участвовали Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова.

В январе 1926 г. этнографическим отделом была устроена большая отчетная выставка. Основным материалом для выставки послужили коллекции

по русским, собранные Верхневолжской экспедицией (в Тверской, Ярославской и Костромской губерниях), в южной Великороссии (в Воронежской, Брянской, Орловской и Рязанской губерниях), на р. Печоре, Лопарской экспедицией — в Мурманском крае, на Терском берегу Кольского полуострова и экспедициями к другим народам СССР.

Отчетной выставке было посвящено особое издание: «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.», в котором нашли место как сообщения об исследовательских работах на местах, так и предварительное описание собранных коллекций.

На выставке Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой были сделаны доклады по материалам экспедиции.

Е. Э. Бломквист руководила этнографическими поездками в ряд волостей Ярославской губ., проводимых совместно с Обществом изучения местного края (Ярославская губерния 1926).

Вопросы целей и методики научной полевой работы постоянно обсуждались в 1920-е годы как этнографами в печати и на совещаниях, так и общественностью.

Д. А. Золотарев в 1926 г. опубликовал важную статью по методикам изучения быта послереволюционной деревни (*Золотарев* 1926).

Наиболее продуктивными он считал комплексные экспедиции, осуществляемые центральными учреждениями при участии местных сил и работающие в течение ряда лет на сравнительно небольшой территории как по маршрутам (как тогда говорили: «экскурсируя»), так и стационарно.

В некоторых случаях эти методы сочетались: выбирался какой-либо центральный пункт в качестве базы и оттуда по радиусам делались кратковременные экскурсии в села, лежащие вокруг этого пункта. Часто применялся метод соединения экспедиционного обследования целого района со стационарным изучением отдельных типичных селений.

Продуктивной и перспективной считалась работа этнологических станций. Их появление объяснялось необходимостью планомерно накапливать и обрабатывать систематически собираемые материалы. Суть метода состояла в длительном проживании этнографов в исследуемых районах с использованием включенного наблюдения. Сотрудники описывали и собирали уникальные материалы, составившие впоследствии фонды как архивов, так и музеев.

Примером может служить Костромская этнологическая станция (Этнологическая станция Костромского научного общества по изучению местного края). Со времени открытия Костромского научного общества его секретарем, а затем председателем был Василий Иванович Смирнов (1882–1941). В 1922 г. он организовал Этнологическую станцию.

Каждое лето станция снаряжала экспедиции по изучению как материальной, так и духовной культуры. Станция рассылала по губернии анкеты, ответы на которые затем тщательно анализировались.

Использование анкет для сбора сведений также обсуждалось в этнографическом сообществе. Д. А. Золотарев считал целесообразным их применение для опросов по узким темам.

Д. К. Зеленин, анализируя анкеты и программы для описания народного быта, отмечал продуктивность тех, которые сопровождаются подробными методическими указаниями.

В 1926 г. увидела свет методическая разработка Б. М. Соколова «Поэзия деревни: руководство для собирания произведения устной словесности» (М., 1926. 166 с.)

Но все же базовыми оставались методы наблюдения и интервьюирования.

Собирание коллекций для музеев, зарисовки и фотофиксация материалов рассматривались как важные методы экспедиционной работы. Научная ценность и достоверность обеспечивались правилами ведения полевых дневников, заполнения карточек с описаниями предметов коллекции и иллюстративных материалов.

С. П. Толстов показывал преимущества статистического учета форм построек во время работ в Вязниковском у. Владимирской губ. Здесь на каждый объект заполнялась карточка с указанием времени постройки избы и двора, материала и типа покрытия крыши дома и двора, типа жилого дома, типа соединения избы с двором. Это позволило представить «кривую смены форм построек во времени» для каждого из обследованных селений и для всего района. Метод работал только при условии учета всех построек каждого населенного пункта.

Н. И. Лебедева отмечала необходимость дополнения статистических сведений историческими справками по формированию и составу населения, поскольку сопоставление старых и новых форм без учета возможных переплетений южнорусской и севернорусской традиций могло, по ее мнению, привести к ошибке.

В 1920-е годы передовым считался комплексный подход в исследованиях. С его использованием связаны так называемые монографические описания одного поселения или целой волости.

Причем до начала 1930-х годов монографичность допускала фиксацию сведений о снижении уровня жизни крестьян, архаизации их быта и хозяйства в связи с экономическими и политическими переменами в стране. Например, Н. Е. Ончуков в работе «Поездка в Чердынский край летом 1923 года» (автор ездил по поручению губвыстка для покупки предметов быта на Московскую сельско-

хозяйственную выставку) сообщал, что почти в каждом доме используются кремень и огниво вместо дорогих спичек, лучина вместо дорогого керосина, домотканое полотно вместо ситца, бывшее заводское население занялось охотой, земледелием по старинной подсечной системе, причем усиленно выжигаются леса (Ончуков 1924).

Или наоборот – отмечалось улучшение некоторых сторон быта в деревне по тем же причинам. Агроном К. К. Дыский в издании «Опыт монографического описания деревни Бурцевой Волоколамского уезда» (Дыский 1923) фиксировал «резкий перелом в обстановке жилья», произошедший в 1918–1920 гг., когда из Москвы было вывезено, в обмен на продукты, много городской мебели (буфеты орехового дерева, венские стулья, трюмо, книжные шкафы с библиотеками, письменные столы, мягкая мебель).

Н. П. Гринкова привезла в музейную коллекцию образцы растений (кажущка, куранда), употреблявшихся в пищу во время голода 1921 г. в Воронежской губ., а также образец ткани в полоску, окрашенный природными красителями – ольховой корой и еловыми шишками – из-за отсутствия фабричных красителей у крестьян Ярославской губ. в 1917–1922 гг. (Петрашин, Колчина 2026).

Комплексный подход в этнографических исследованиях выражался в исследовании в поле всех сторон жизни крестьян: сельское хозяйство (земледелие), ремесла, промыслы (валяльный, овчинный, гончарный и др.), животноводство (в том числе русское оленеводство Терского берега Мурманского округа и у бухтарминцев на Алтае), торговля, орудия труда, охота и рыболовство, пчеловодство, жилище и хозяйственные постройки, одежда, утварь, средства передвижения, социальные отношения, семейная жизнь, питание, игры, праздники, обряды и верования, фольклор, народное искусство, народные знания.

Использование данных других дисциплин позволяло уточнить, подтвердить данные этнографии или задать новые направления исследований. Так, массовые антропометрические измерения русских и финских народов в экспедициях Д. А. Золотарева раскрывали историю их взаимоотношений. Хорошие результаты давало и сопоставление этнографических сведений с данными диалектологии. В этой сфере активно работала Н. П. Гринкова. Одной из первых для нее была организованная Географическим институтом в 1920 и 1921 гг. экспедиция по изучению Петроградской губ. в диалектологическом, этнографическом и фольклорном отношениях.

Комплексный подход предполагал изучение «древности», современности и фиксацию новых форм культуры, которые свидетельствовали о толь-

ко начинающих культурных процессах. И здесь привлекали внимание вопросы не только межэтнических и внутриэтнических взаимодействий, но и механизма взаимодействия между городом и деревней (Королькова, Петряшин, Фишман, Шангина 2026).

В период предэкспедиционной подготовки и во время написания итоговых трудов комплексный подход выражался в привлечении данных по истории, экономике, духовной жизни, то есть всего контекста изучаемой культуры.

Во всех экспедициях собирались вещевые материалы для музеев. Этой части работы уделялось большое внимание. С одной стороны, в 1920-е годы этнографы считали необходимым презентовать результаты экспедиций в виде выставок – как научному сообществу, так и широкому кругу интересующихся. С другой стороны, вещевые, иллюстративные и фотоматериалы рассматривались как важный источник этнографических исследований, на основе которых создавались научные труды.

Постоянно пополняемые музейные коллекции отражали (своей объективностью) тот образ народа, «научная значимость которого ничуть не ниже его теоретического осмысления». Поскольку «у этнографического образа есть шанс войти в нетленный фонд науки, тогда как опыт этнологического теоретизирования может остаться сиюминутным и ситуативным» (Головнев 2002: 16).

Многие коллекции попали в итоге в Российский этнографический музей. Современные его сотрудники продолжают научную работу с ними и бережно хранят память о собирателях (Хартанович, Шангина 2026; Королькова, Петряшин, Фишман, Шангина 2026; Кубель 2026; Королькова 2026; Петряшин, Колчина 2026).

Вещевые коллекции 1920-х годов отражают традиционную культуру как комплекс. Сама концепция комплектования предполагала, что привозимые из экспедиции вещи и фотографии должны были представлять основные сферы жизни изучаемого населения и демонстрировать его культурное своеобразие.

Е. Э. Бломквист передала в это время музею экспонаты не только по основной своей теме (жилище), но и по более широкой тематике. Ей принадлежат многочисленные зарисовки усадеб, жилых и хозяйственных помещений, образцов домовой резьбы и архитектурных деталей, орудий труда и других этнографических объектов. В масштабные экспедиции обязательно брали фотографа, художников, но нередко и самим исследователям приходилось фиксировать материал в виде рисунков. Поскольку рисунки были частью научной работы и подразумевались их дальнейшие анализ и систематизация,

все они снабжались паспортами: указанием места бытования, названий изображенного объекта и его частей (в том числе и местных), его размеров, назначения, материала и времени изготовления/постройки. На планах построек указывался масштаб (Шангина 2026).

В общей сложности экспедиционные сборы Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой для Этнографического отделения Русского музея составили около 2000 экспонатов, в основном по традиционной культуре русских. Они восполнили территориальные, хронологические, тематические, а также значительные этнолокальные лакуны в музейном собрании и этнографии в целом (материалы по однодворцам Воронежской губ., тузовлянам Тверской губ., сицкарям Рыбинской губ., бухтарминским старообрядцам Семипалатинской губ.).

Экспедиции центральных этнологических учреждений, как правило, опирались на помощь местных краеведческих организаций и музеев. Это было возможно благодаря тому, что подобных учреждений был много, и они проводили и обширную самостоятельную экспедиционную и издательскую работу.

В 1926 г. о своей экспедиционной и иной исследовательской деятельности в изучении русских на страницах журнала «Этнография» заявляли: московское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии; Отделение этнографии Русского географического общества; Сказочная комиссия при Отделении этнографии Русского географического общества; Этнографическая секция Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока; Архангельское общество краеведения (Архангельская губ.); Грязовецкая организация краеведения (Вологодская губ.); Костромская этнологическая станция; Ярославское общество изучения местного края (г. Ростов); Переславль-Залесское научно-просветительное общество (Владимирская губ.); Этнологическая станция Ивано-Вознесенского научного общества краеведения; Нижегородский историко-бытовой музей; Музей Дмитровского края (Московская губ.); Этнографический отдел Калужского государственного областного музея и Этнографическая секция при Калужском обществе истории и древности; Общество исследователей Рязанского края; Этнографическая секция Нижне-Волжского областного научного общества краеведения и Этнографический отдел Саратовского областного государственного музея; Российское общество по изучению Крыма; Тюменское Общество изучения местного края и Шадринское научное хранилище (Уральская обл.); Семипалатинский отдел Русского географического общества (Казакская АССР); Этнолого-археологический музей Томской

губ.; Отдел этнографии музея Енисейского края (Красноярск, Енисейская губ.). Значительная их часть вела свою историю с дореволюционного времени, но возникали и новые.

Ю. М. Соколов отмечал факт появления новых фольклорных центров в разных частях СССР, которые вели работу в том числе и по инструктированию в деле собирания фольклорного материала. В некоторых случаях причина оживления собирательской работы была в том, что ряд профессоров столичных университетов в первые годы революции свою научную деятельность перенесли в провинциальные города, в местные университеты и педагогические институты (проф. Б. М. Соколов в Саратове, проф. Н. М. Каринский в Вятке, проф. Ю. М. Соколов в Твери, А. М. Смирнов-Кутачевский в Ярославле).

Работа всех перечисленных ученых базировалась на совместном труде со студентами, все стремились вовлечь студенческие массы в краеведческую работу по собиранию и привлечь к непосредственному участию в научном наблюдении над жизнью фольклора.

Ю. М. Соколов называет это одним из крупных достижений фольклористики в СССР, отмечая, что провинциальные вузы создавали для таких масштабных исследований особо благоприятные условия, прежде всего благодаря тесной связи учащихся с деревнями своего края (Соколов 1926).

Стремление к вовлечению масс в этнографические и другие научные исследования – характерная черта научной жизни 1920-х годов.

Д. А. Золотарев считал целесообразным привлекать учащихся, молодежь к сбору материала: «работа учащихся может дать очень большие результаты при умелом руководстве и отказе от тенденциозности в выборе материала. Особенно практично использовать молодежь, вышедшую из деревенской среды, и молодежь национальных меньшинств. Работа в знакомой и родной среде, как указывает опыт, дает прекрасные результаты и избавляет от ошибок, получающихся при мимолетных наблюдениях постороннего человека» (Золотарев 1926).

Ю. М. Соколов видел преимущество привлечения к работе студентов, даже большими группами (до 30–40 человек), в том, что коллективная работа давала возможность за короткий срок охватить значительный материал. Он писал: «Не отрицаю, – в научном отношении лучше всего будут результаты собирательской работы, если в ней принимают участие вполне подготовленные лица. Думается, фольклористические материалы, добытые группой квалифицированных работников Этнографического отдела Русского музея в Ленинграде под руководством профессора Д. А. Золотарева при участии, например, Н. П. Гринковой и Е. Э. Бломквист,

в отношении точности и верности записи будут безупречны... Но если ограничиваться собирательскими работами лишь квалифицированных ученых специалистов, то, я полагаю, науке был бы нанесен огромный ущерб. Научных сил в СССР не так много, чтобы можно было на них одних возложить всю работу по собиранию сырых материалов» (Соколов 1926: 157).

Д. А. Золотарев считал допустимым привлечение к работе даже школьников – при умелом руководстве ими. Д. К. Зеленин приводит в качестве примера краеведческое описание Никольской вол. Раненбургского у. Рязанской губ., составленное учениками местной Загрядчинской школы I ступени под руководством учителей Рождествовских, результаты которого отражены в книге «Методические письма. Письмо второе. Наша волость. Опыт проработки комплекса» (М., 1924. 48 с.), изданной с предисловием Н. К. Крупской как образец краеведческих работ в начальной школе (Зеленин 1926).

Вопрос о финансировании экспедиций решался не только центром, но с привлечением многих, нередко далеких от исторической науки и музейного дела, организаций и отдельных энтузиастов. Д. А. Золотарев в отчете о своей экспедиции отмечает, что несмотря на поддержку Комиссии по изучению племенного состава России, Российской академии истории материальной культуры, Русского музея, РГО, Экспедиционной комиссии Академии наук, Комитета Севера при РГО, экспедиция не была включена в смету Наркомпроса.

Лишь интерес, проявленный к работам экспедиции Агрономической службой Северных железных дорог и Управлением по мелиорации земель, и помощь, оказанная ими, помогли в финансировании. План экспедиции дополнили специальными заданиями от этих организаций по изучению промыслов и сельскохозяйственного быта и представили в Государственную Плановую Комиссию, которая его утвердила. Комитет содействия экспедиции в Рыбинске и уполномоченные заведующего экспедицией в Рыбинске, Бежецке и Твери подготовили возможность материальной поддержки со стороны различных местных кооперативных и других экономических организаций. Такими учреждениями были Рыбинские Губсоюз, Сельпромсоюз, Районное Управление водного транспорта и Совет Народного Хозяйства, Тверские Губернское Экономическое Собрание и Губсоюз, Краснохолмские, Весьегонские и Бежецкие кооперативные учреждения. Агрономическая служба предоставила возможность пользоваться бесплатными билетами для групповых поездок. Устроенные театрализованные «Вечера русской народной сказки» в Петрограде, Рыбинске и Мологе (деньги от продажи билетов)

помогли приобрести самое необходимое, чтобы начать работу (Золотарев 1924: 13). Д. А. Золотарев представляет список отдельных лиц, помогавших в организации на местах (А. В. Бурова, семейства Рождественских, Даниловых, Щепочкиных и др. – список занимает целую страницу) и приносит им благодарность.

Он отмечает, что, хотя «жизнь интеллигентных тружеников на местах складывается так, что было бы непроситительно требовать от них самопожертвования или бесплатного труда... мы имеем примеры активного бесплатного участия в научной работе нескольких лиц» (и далее список).

Говоря о помощи местных хозяйственных организаций в реализации планов экспедиции, Золотарев ставил вопрос о том, что центр должен обеспечить финансированием обработку Академией истории материальной культуры и Русским музеем собранных материалов (Золотарев 1924: 30–31).

В 1920-е годы постепенно выстраивалась и укреплялась система централизованного планирования и финансирования масштабных комплексных экспедиций для изучения и включения в планы советского строительства крупных регионов, как правило, удаленных от Центральной России, – с участием геологов, почвоведов, ихтиологов, зоологов, ботаников, медиков, эпидемиологов, этнографов, антропологов и т. д. Как большая комплексная экспедиция стали рассматриваться к концу 1920-х годов исследования Кольского полуострова под руководством Д. А. Золотарева. В других экспедициях вопросы этнографии и антропологии русских не были центральными, но, по возможности, и им уделяли внимание.

До 1930 г. значительную помощь в организации этнографических, лингвистических, антропологических экспедиций оказывали центральные и местные подразделения Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Эта научно-исследовательская организация была создана в 1915 г. Императорской Санкт-Петербургской Академией наук по инициативе академика В. И. Вернадского. Поначалу ее главной целью было изучение сырьевой базы страны для снижения зависимости от импорта в условиях Первой мировой войны. После революции КЕПС занималась вопросами хозяйственного, экономического, человеческого потенциала страны в условиях проведения реформ. В 1930 г. КЕПС вошла в Совет по изучению производительных сил (СОПС).

С 1921 г. для планирования, объединения и анализа результатов академических экспедиций – с целью сбора данных о естественных производительных силах РСФСР – была создана Комиссия по научным экспедициям Академии наук под

председательством академика С. Ф. Ольденбурга. В 1926 г. правительство Казакской АССР обратилось в Академию наук с просьбой провести ряд научно-исследовательских работ «для правильного обоснования важнейших мероприятий, направленных к хозяйственному и культурному строительству этой республики». Это обращение, а также просьбы от Якутской и Бурят-Монгольской АССР стали толчком к созданию в 1926 г., по инициативе А. Е. Ферсмана, Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР). Его задача – регулирование экспедиций академических учреждений, проводимых по запросам республик, областей и отдельных учреждений. Общее собрание Академии наук одобрило особое положение о ОКИСАР. Затем – по инициативе Управления делами Совета народных комиссаров и постановлению президиума Академии наук это учреждение получило более общее наименование, ближе подходящее к его целям и задачам, а именно «Комиссия экспедиционных исследований Академии наук» (КЭИ). В 1930 г. функции КЭИ перешли к Совету по изучению производительных сил (СОПС).

В состав КЭИ входили территориальные комиссии республик и областей. Сами же экспедиции, выполняющие задания научных учреждений так же, как и раньше, организовывались этими учреждениями. К обязанностям КЭИ относились только административно-финансовая и общая методологическая часть экспедиций. По заявлениям республик, областей, ведомств и учреждений КЭИ разрабатывала ориентировочные планы и сметы предстоящих работ. После одобрения смет и планов выделялось финансирование и осуществлялись полевые работы. КЭИ согласовывала экспедиционную деятельность разных учреждений и ведомств. Планировалось, что КЭИ совместно с Центральным бюро краеведения будет вести учет экспедиций и этим оказывать помощь Госплану в его планировании общей научно-исследовательской работы СССР (Ферсман 1929: 31–32).

Подробные отчеты печатались в «Осведомительных бюллетенях» Комиссии экспедиционных исследований, выходивших 2–3 раза в месяц, и в ежегодных отчетах неперменного секретаря Академии наук. Выходили также Материалы Комиссии экспедиционных исследований. С 1926 по 1930 г. – 30 выпусков. Под номером 17 Материалов КЭИ вышла монография Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой «Бухтарминские старообрядцы».

Отчетность по менее масштабным экспедициям предполагала несколько вариантов, или этапов. Например, организация выставки, обсуждение докладов, печатные работы.

Руководимый В. В. Богдановым Государственный музей Центрально-Промышленной области был одним из лидеров этнологической деятельности и организовывал специальные совещания для этнологов (Комиссия 1926), в которых участвовали представители Москвы, Ленинграда, научных учреждений губерний ЦПО и соседних, на которых вырабатывались общие подходы к полевой практике. Такие совещания обеспечивали не только отчетность, знакомство с последними достижениями науки, но и эффективное планирование научной работы. Назовем темы некоторых докладов разных лет: В. В. Богданов «Обзор этнологических задач по исследованию населения ЦПО», «О постановке работ по изучению быта и промыслов рыбацкого населения ЦПО»; Д. А. Золотарев «Вопросы изучения быта деревни»; Д. К. Зеленин «Перспективный план работ по этнографическому изучению Центрально-Промышленной области»; П. Ф. Преображенский «Этнология в СССР за 10 лет»; Б. С. Жуков «Вопросы методологии выделения культурных элементов и групп»; С. П. Толстов «Вопросы согласования методов полевых этнографических исследований», «К этнологической систематике форм великорусского жилища в Средней России»; Н. И. Лебедева «Систематика прядения и ткачества на территории ЦПО», «Вопросы этнологического изучения южных уездов Рязанской и Тульской губерний»; Г. С. Маслова «Итоги этнологических рекогносцировок в Тверской губ. летом 1925 г.», «Этнологические материалы по изучению озер Мещерской низменности»; А. Г. Данилин «Этнологическая рекогносцировка как один из видов полевой работы»; Б. А. Куфтин «Задачи, методы и достижения в изучении костюма ЦПО»; М. Я. Феноменов «Значение для областной этнологии мелкорайонного изучения истории деревни» и др. (Государственный музей 1926; Культура и быт 1929).

По завершении экспедиций вставал вопрос не только о презентации материалов, но и об их хранении. В 1920-е – 1930-е годы черновые полевые дневники этнографы хранили в личных архивах (Москвина 1925).

Фотографии, иллюстрации, предметы быта и пр. передавали в музеи, при которых в то время и велись многие исследования, письменные материалы передавались в виде тетрадей, карточек, карт, схем, диаграмм.

Последующая научная, в том числе музейная обработка материала показала необходимость выявления принципов систематизации и классификации, которые позволили бы распределять сведения по типам, комплексам и отслеживать явления этнической культуры во времени.

Проблема классификации увязывалась с необходимостью картографирования и решалась постепенно, шаг за шагом.

Так, в начале XX в. В. В. Богданов обосновал идею изучения кроя одежды как источника выяснения этнической истории (через фиксацию покроя путем составления чертежей). Позже эту методику развивали Н. И. Лебедева, Н. П. Гринкова, Г. С. Маслова.

Типологией жилища плотно занимались Е. Э. Бломквист, а также С. П. Толстов, В. И. Смирнов и другие исследователи. Причем в комплексе рассматривались хозяйственные постройки, двор, типы поселений.

Некоторые этнографы оставляли разработку научных теорий и обобщения последующим поколениям. Так, костромской краевед Василий Иванович Смирнов считал, что из трех задач краеведа – собирание, хранение и исследование – наиболее важны первые две, и называл краеведов «подмастерьями науки» (Смирнова 2026). Однако надо отметить, что в исследованиях В. И. Смирнова было столько научной внимательности, что они играли значительную роль в вопросах классификации. Второе совещание этнографов 1927 г. даже приняло резолюцию о необходимости издания его работы о русских свайных постройках как способной «пролить свет на многие проблемы развития форм восточнославянского жилища» (Культура и быт 1929: 228).

Но все же результатом большинства описанных экспедиций стали теоретические обобщения, связанные с определением этапов колонизации и в целом этнической истории, этническими взаимодействиями, границами этнических культур и пограничными территориями.

В 1927 г. Государственный музей Центрально-Промышленной области провел совещание, которое, по словам С. П. Толстова, подвело «итоги целому периоду в истории развития советской этнологии» (Культура и быт 1929: 5). Совещание проходило еще в духе свободного научного диалога и приняло ряд резолюций по различным проблемам.

В плане организации и финансирования работ, особенно провинциальных учреждений, отмечены недостаток финансирования, недостаток квалифицированных работников в провинции и загруженность имеющихся технической музейной работой, отсутствие руководящих методических пособий по этнографии. Для исправления ситуации предлагались более тесный контакт с плановыми, культурными и хозяйственными организациями и регулярный созыв научных совещаний.

Б. С. Жуков поделился опытом методической помощи и предлагал распространить его на другие учреждения. В своих экспедициях он постоянно привлекал к работе новых сотрудников – студентов

и местных исследователей. И постоянно возникала проблема с их обучением полевой деятельности при отсутствии методических пособий. В связи с этим в Антропологическом научно-исследовательском институте при 1 Московском государственном университете была создана комиссия по унификации приемов и методов антропологических исследований, в состав которой вошли сотрудники как Института, так и других заинтересованных учреждений. Результаты работы комиссии были опубликованы Наркомздравом в виде сборника инструкций.

Обычно работа с краеведами велась через непосредственный инструктаж, переписку, совещания, музейные курсы. Видя в краеведении не любительство, а потенциал настоящих научных исследователей, Б. С. Жуков предлагал поднять и методический уровень предлагаемых им анкет, программ, снабдив их необходимыми справками и инструкциями (Культура и быт 1929: 225, 226).

По докладам о проблемах, методах и результатах в изучении материальной культуры – средств передвижения, жилища, костюма – отмечены значительные достижения. В качестве вопросов, которые необходимо решать, названы: необходимость планомерного и согласованного изучения (так как только материалы достаточно большой территории могут дать возможность перейти от собирания к обобщениям и выводам); необходимость планирования, обсуждения приемов работы и организации планомерного обмена материалами; необходимость в поле фиксировать архаичные черты (для увязки этнографических сведений с палеоэтнологическими), изучать историю исследуемого вида материальной культуры вплоть до современности, причем обращать внимание на процессы смены одних форм другими (в этой сфере подчеркнута роль краеведов, близко стоящих к объектам исследования). Отмечено, что достижения в области систематизации и классификации важны не только для решения теоретических задач этнографии, но значительно упрощают дальнейший сбор материала на местах, обеспечивая его научную достоверность. Отмечается научная перспективность связки материальной и духовной культур, прежде всего в области изучения костюма.

Анализируя доклады из разных регионов, участники совещания называли те, в которых исследования надо ускорить в связи с быстрым исчезновением там старых форм материальной культуры (юг Рязанской и Тульской губерний).

Участники совещания подчеркнули эффективность монографических исследований прежде всего за счет рассмотрения комплекса материальной, духовной и социальной культур. Причем исследование обрядов, по мнению Н. И. Лебедевой, следо-

вало проводить методом включенного наблюдения и, соответственно, экспедиционные выезды приурочивать ко времени совершения обрядов. В этой связи отмечалось значение местных специалистов, краеведов.

Резолюция по докладу Б. М. Соколова о изучении верований и обрядов, связанных с природными условиями и хозяйственным бытом, ставила следующие задачи: усиление изучения и сбора материалов по этим темам, в том числе для музеев; решение вопроса об эффективном использовании для этого киносъемки; решение задачи создания хранилищ научных фильмов и организации залов для их демонстрации.

По докладам Б. С. Жукова и А. А. Спицына подерживалось положение о единстве научной методологии изучения материальной культуры в этнологии и палеоэтнологии.

Таким образом, по всем пунктам предполагалось тесное сотрудничество центральных учреждений с местными и всех членов научного сообщества друг с другом. Предполагался созыв съезда этнологов СССР.

Протоколы обсуждения докладов Совещания показали, что все участники не только владеют своими темами, но и детально погружены в проблематику изучения славянского населения и могли дать дельные советы по самым разным вопросам этнографической работы.

Этнографы активно обсуждали теоретические вопросы: проблемы аккультурации, «вертикальной» и «горизонтальной» ассимиляций, плюсы и минусы эволюционистской и культурно-исторической школ, методы картографирования, определения центров распространения и периферических зон отдельных культурных явлений (метод культурных ареалов, или площадей); необходимость увязки культурных явлений с этносом, этнической историей (проблема соотношения культурного круга и этнической культуры)

Подводя итог полевым этнографическим исследований до 1929 г., можно процитировать В. В. Богданова: «Созывая совещание, мы ожидали, что оно будет удачнее предыдущего. Но, нужно сказать, что результаты превзошли наши ожидания. Мы встретили огромное сочувствие идее совещания как среди работников Центра, так и на местах. Мы узнали многих новых работников, которые идут на смену старым. Теперь мы знаем, как нужно организовываться, чтобы организация была не мертвой буквой, а живым делом. Мы можем с удовлетворением сказать, что сделаны уже большие шаги по пути превращения краеведения из провинциального любительства в серьезную науку. Ученый Совет музея Центрально-Промышленной Области просил

меня передать, что он не находит слов для выражения своего удовлетворения тем ответом мест на его инициативу, которым является наше совещание» (Культура и быт 1929: 227).

На такой ноте свободного научного диалога и заинтересованного сотрудничества завершился этот период.

Он показал высокий уровень этнографической науки и дал мощный задел для будущих исследований как в теоретическом, научно-организационном, методическом планах, так и по масштабам собранных материалов. Названные специалисты нередко сочетали в себе квалификацию этнологов, антропологов, фольклористов, диалектологов и иногда не ограничивались описанием в ходе поездок одного народа, если в поле зрения оказывались и другие. Такая универсальность позволяла создавать комплексные описания и решать теоретические проблемы. О жизнеспособности и перспективности советской школы этнографии свидетельствовала научная активность воспитанного ею нового поколения исследователей. Этот потенциал в значительной степени использовал позже С. П. Толстов, будучи и сам «родом из того времени», когда в 1942 г. формировал коллектив доверенного ему Института этнографии АН СССР, когда готовил и проводил в жизнь масштабные исследовательские проекты.

Вице-президент АН СССР в 1926–1929 гг. академик Александр Евгеньевич Ферсман подытожил опыт Академии наук за 10 лет (1919–1929) и обозначил перспективы развития экспедиционного дела в книге «Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи». О масштабности и практической заостренности полевых работ он писал: «То, что сто лет тому назад диктовалось скорее общими интересами географического характера, сейчас вызывается потребностями новых форм хозяйства и организации самой жизни. Экспедиционная деятельность сейчас в своей основе есть один из важнейших и наиболее актуальных методов изучения и выявления производительных сил страны...» (Ферсман 1929: 2).

Говоря о масштабных исследованиях в связи с изучением русского народа, нельзя не упомянуть перепись 1926 г. – которая сама по себе представляла собой научно продуманное, организованное и получившее достаточное финансирование экспедиционное исследование всесоюзного масштаба. Ее проведение готовилось Комиссией по изучению племенного состава населения АН СССР и Центральным статистическим управлением СССР. Был составлен Перечень из 199 этнических наименований – самый детальный из разработанных для всех советских переписей. Основными консультантами по славянским народам были руководитель Евро-

пейского отдела КИПС Д. А. Золотарев, С. И. Руденко, Е. Ф. Карский, Д. К. Зеленин, В. В. Богданов.

В Перечне и словаре народностей русские обозначены как единое целое (без выделения казаков, поморов и т.п.) (Программы и пособия 1927)³.

В историю научной мысли вошли академические дискуссии о признаках национальности: объективных (язык, религия, культура, антропологический тип) и субъективных (самосознание, самоопределение), проходившие в связи с поручением Совета национальностей проработать вопрос о точном определении термина «национальность» для переписи (Верховцев 2022).

Маркерами для определения этнической принадлежности были выбраны самоопределение, язык и религиозная принадлежность. В переписи 1926 г. «произошло сужение понятия “русскости” до этнической категории» (Казьмина, Соловей, Бахматова, Федорова 2025: 169). В методических указаниях для переписчиков отмечалось, какие мелкие группы со своими названиями к каким народностям относить. В отношении же русских наоборот предлагалось разделение: для уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях в местностях, где словом «русский» определяли себя представители трех этих народностей, переписчики должны были настаивать на том, чтобы лица, называющие при переписи свою народность «русский», точно определяли, к какой именно народности: украинской, великорусской (русской) или белорусской – они себя причисляют; записи «русский» и «великоросс» считались тождественными.

По итогам переписи в 1927 г. под редакцией И. И. Зарубина был издан «Список народностей СССР». В нем выделены русские (великорусы, великороссы), украинцы (малорусы, малороссы) и белорусы как «три ветви восточных (русских) славян». Таким образом, и в научном языке этого времени отражалось понимание единства восточных славян как русских.

Отмечено, что сплошное великорусское ядро (свыше 99% населения) находится в Московской, Ярославской, Владимирской, Калужской, Тульской, Орловской, Ивано-Вознесенской, Костромской, Вологодской и др. губерниях. «Имея немало местных различий, великорусы выделяют две наиболее крупные группы: южных и северных великорусов. Большое число своеобразных культурно-бытовых типов (поморы, старообрядцы Поволжья, сибиряки, казаки, семейские и т.д.). Язык русский в нескольких говорах и при едином литературном языке. Религия. Православные, немало старообрядцев и сектантов. Занятия. На основе сельского хозяйства все виды хозяйственной деятельности, свойственной культурному населению» (Труды комиссии 1927: 5–6).

Данные переписи 1926 г. использовались в дальнейшем при создании многих трудов по русским и в целом по восточным славянам, при планировании полевых исследований для изучения этнических взаимодействий, историко-культурных связей, ареалов распространения отдельных явлений этнической культуры, а также этнической истории и статистики. Они стали основой для составления более точных этнических карт.

Детальная проработка этнического состава СССР имела не только научное, фундаментальное значение, но поддерживалась государством, готовившим национально-территориальное переустройство с учетом не только национального состава, но и представлений об этнической иерархии и процессах консолидации народностей (Верховцев 2022).

К этнографическим экспедициям, дискуссиям, проектам 1920-х годов можно применить слова А. Е. Ферсмана, сказанные в целом о полевых исследованиях этого времени: «По мере проведения... работ, проработки программ и планов, углубленного анализа получаемых результатов – в Академии Наук выработался постепенно тип таких комплексных работ, который положил в основу идею огромного государственного значения... – идею научно-государственного овладения страной»; «обработкой материалов и изданием ее трудов вполне заканчивается каждая экспедиция, но только внешне: огромный научный материал, влившийся в музеи, лаборатории, институты, на десятки лет служит рядом новых идей и новых исследований, начатые работы преемственно вызывают к жизни новые работы, на местах опубликованные результаты будят мысль, толкают творчество, увеличивают национальное культурное богатство... Глубоко задуманная научная экспедиция неизбежно вызывает к жизни новые идеи, ставит новые вопросы, требует новых исследовательских задач и новых ответов. Ее культурное внедрение в толщу местной жизни является одной из важнейших ее задач. Формальное окончание деятельности академической экспедиции должно неизбежно совпадать с организацией на местах новых центров культурной или хозяйственной работы; таково идейное построение наших экспедиций» (Ферсман 1929: 20, 24).

Этнографы 1920-х годов проводили разные по масштабам полевые исследования – от научных командировок и отдельных экспедиций по специальным вопросам до систематических работ как небольшими коллективами, так и в составе комплексных экспедиций. Они доказывали свою полезность для советской страны – но не в ответ на идеологический прессинг государства, как это будет уже в следующем десятилетии. В 1920-х еще много места было для инициативы, выдвижения и реализации

новых идей, разработки перспективных проектов, – словом, для участия каждого интеллектуала в построении «светлого будущего».

Задачи государственного строительства обусловили интерес правительственных учреждений к этнографической науке и как результат – поддержку и финансирование исследований. Как верно отмечает Т. Д. Соловей, государство было заинтересовано в изучении этнического состава страны. «Ориентируя их (этнографов. – Н. Ш.) в первую очередь на практические результаты, власть не вводила при этом значительных идеологических и политических ограничений в сфере профессиональной деятельности. Более того, большевистский мироустроительный проект с его пафосом титанического созидания смог реактуализировать ценности Модерна и восстановить целостность мировоззрения русской интеллигенции... Приверженность идее прогресса объединила этнологическое сообщество – как представителей старой, дореволюционной школы, так и новую, советскую генерацию» (Соловей 2002: 47).

Хотя государству изучение русского народа было интересно прежде всего как самой мощной производительной силы в стране, а также с точки зрения взаимодействия русских с другими народами, этнография 1920-х годов успешно развивала и традиционные темы русских исследований. Собранные музейные экспонаты, экспедиционные тетради, отчеты, карточки, составленные карты, публикации составили новый этап в изучении русского народа и в этом качестве использовались в дальнейших исследованиях.

Развитие этнологии шло в сторону создания масштабной научной сети, где краеведческие организации вырастали бы профессионально и работали в тандеме с центральными. Характерной чертой времени было привлечение к участию в экспедициях студенчества и молодежи в целом, что давало базу для появления многих новых исследователей в будущем.

Система конференций (совещаний), работа журналов, постоянные научные контакты внутри этнографического сообщества способствовали апробации и проработке результатов исследований, появлению новых идей. Методика экспедиционной работы уже содержала все позиции, которые в дальнейшем будут только развиваться.

Имея свое лицо, русская этнография 1920-х годов развивалась в контексте мировой науки. Не было ограничений в приверженности тем или иным идеям, теориям, важным для постановки полевых исследований и презентации собранного материала. Русская этнография стала особенно интересна зарубежным исследователям из-за масштабности своих проектов. В журнале «Этногра-

фия» за 1927 г. читаем обращение: «К этнографам СССР. Ассоциация этнографических обществ Германии, издающая с 1919 г. систематические библиографические указатели литературы по этнографии и фольклору на различных языках Европы, обратилась в лице проф. Гофмана-Крайера ко мне с просьбой взять на себя ведение отдела СССР, на что я выразил свое согласие. Ввиду крайней трудности собирания библиографического материала, нередко разбросанного в малодоступных провинциальных изданиях, и ввиду необходимости заблаговременной подготовки карточек, обращаюсь к товарищам по научной работе с просьбой сообщать мне о всех трудах в указанной области и, если возможно, доставлять мне самые труды, особенно отдельные оттиски по адресу: Ленинград, Вас. Остр., Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР, профессору Евгению Георгиевичу Кагарову. Проф. Е. Кагаров». Таким образом, к сотрудничеству приглашались исследователи как

столичные, так и провинциальные, специалисты в разных областях (Кагаров 1927).

Преемственность с русской дореволюционной этнографией в научном подходе, руководство проектами со стороны крупных ученых, классическая система ученичества позволяли на новом уровне разрабатывать проблемы классификации, картографирования, этногенеза, этнических взаимодействий, фиксировать новые, уже советские, социальные явления.

Советская этнография 1920-х годов, сохраняя преемственность с дореволюционной школой, обрела свое лицо благодаря тому, что в ней главенствующим стал государственный взгляд на науку. Государство ставило перед учеными масштабные задачи изучения этнографии народов всей страны (материальная культура, хозяйственная деятельность, демография, статистика, этнические территории, взаимодействие народов и т. д.). Советская этнография создавалась как государственная наука.

Примечания

¹ В 1938–1941 гг. вместо журнала выходил сборник статей с таким же названием, а после перерыва (1942–1945 гг.) выпуск журнала возобновился.

² 1 МГУ назывался в 1920-е годы бывший Императорский Московский университет (нынешний МГУ им. М. В. Ломоносова). 2 МГУ назывался университет, созданный на базе Московских высших женских курсов.

³ Только графу «казак» удалось внести для отдельного региона по инициативе Северо-Кавказского краевого статистического управления через получение специальной санкции ЦСУ СССР (см.: Казачество 1926).

Источники и материалы

А. З. 1927 – А. З. Этнографический отдел Государственного русского музея в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 218–219.

Бломквист, Гринкова 1930 – Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы / под ред. С. И. Руденко / Материалы Комиссии экспедиционных исследований АН СССР. Вып. 17. Л.: Издательство АН СССР, 1930. 460 с.

Верхневолжская 1926 – Верхневолжская этнологическая экспедиция (1921–1925 гг.) // Этнография. 1926. № 1–2. С. 278–279.

Государственный музей 1926 – Государственный музей Центрально-промышленной области // Этнография. 1926. № 1–2. С. 271–272.

Дыский 1923 – Дыский К. К. Опыт монографического описания дер. Бурцевой Волоколамского уезда / Издание Выставочного Комитета Московского губернского земельного отдела / Серия «Агрономическая помощь населению и прогресс крестьянского хозяйства». 1923. 132 с.

Жуков 1927 – Жуков Б. Полевые этнографические работы антропологического научно-исследовательского института при Московском государственном университете в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 201–202.

Зарембский 1926 – Зарембский А. Этнографический отдел Государственного русского музея // Этнография. 1926. № 1–2. С. 276–278.

Зеленин 1926 – Зеленин Д. К. Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг. (§ 1. Общие замечания. § 2. Крестьянское искусство и жилище. § 3. Общие описания быта) // Этнография. 1926. № 1–2. С. 133–152.

Зеленин 1927 – Зеленин Д. К. Обзор работ по этнографии восточных славян за 1917–1925 гг. (§ 4: Одежда. § 5: Хозяйственный быт) // Этнография. 1927. № 1. С. 161–173.

Золотарев 1924 – Золотарев Д. А. Работы этнологической экспедиции в Тверской и Рыбинской губ. // Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. III. Л., 1924. С. 1–32.

Золотарев 1926 – Золотарев Д. А. Вопросы изучения быта деревни СССР // Этнография. 1926. № 1–2. С. 45–53.

- Ильинская 1930 – Ильинская И. Центральный музей народоведения // Этнография. 1930. № 1–2. Кн. 9–10. С. 146–148.
- Кагаров 1927 – Кагаров Е. К этнографам СССР // Этнография. 1927. № 2. Кн. 4. С. 412.
- Казачество 1926 – Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. / Северо-Кавказское краевое статистическое управление, отдел переписи. Ростов-на-Дону, 1928.
- Комиссия 1926 – П-в. Комиссия по этнологии Московской секции государственной академии истории материальной культуры // Этнография. 1926. № 1–2. С. 266–267.
- Культура и быт 1929 – Культура и быт населения Центрально-Промышленной области (этнологические исследования и материалы). 2-е Собрание этнологов Ц.П.О. 7–10 декабря 1927 г. / под ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова, с предисл. С. П. Толстова / Государственный Музей Центрально-Промышленной Области. М., 1929.
- Лебедева 1923 – Лебедева Н. И. Предварительный отчет об этнографических работах в Сапожковском уезде летом 1923 г. // Вестник рязанских краеведов. 1923. № 3. С. 5–8.
- Ончуков 1924 – Ончуков Н. Е. Поездка в Чердынский край летом 1923 года // Пермский Краеведческий Сборник. Вып. I. Пермь, 1924. С. 29–32.
- Программы и пособия 1927 – Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Вып. VII. Перечень и словарь народностей / Центральное статистическое управление СССР. Отдел переписи. М.: Издание ЦУС Союза ССР, 1927.
- Смирнова 2026 – Смирнова Т. В. Василий Иванович Смирнов // Сайт [kostromka.ru](https://kostromka.ru/smirnov/index.php) URL: <https://kostromka.ru/smirnov/index.php> (дата обращения: 25.06.2026).
- Соколов 1926 – Соколов Ю. Работа по русскому фольклору за революционный период // Этнография. 1926. № 1–2. С. 155–178.
- Толстов 1927 – Толстов С. Государственный музей Центрально-промышленной области // Этнография. 1927. № 1. С. 212.
- Толстов 1928 – Толстов С. Музей Центрально-промышленной области. Этнологический отдел // Этнография. 1928. № 2. Кн. 6. С. 138–140.
- Труды комиссии 1927 – Труды комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран. Т. 13: Список народностей Союза Советских Социалистических Республик, составленный под редакцией И. И. Зарубина. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. 50 с. С. 5–6 // Сайт «Федеральное государственное бюджетное учреждение “Президентская библиотека имени Б.Н.Ельцина”». URL: <https://www.prilib.ru/item/457799>
- Ферсман 1929 – Ферсман А. Е. Экспедиционная деятельность Академии наук СССР и ее задачи / АН СССР / Комиссии экспедиционных исследований. Вып. 19. Л.: Издание АН СССР, 1929. 38 с.
- Шиллинг 1926 – Шиллинг Е. Государственный центральный музей народоведения // Этнография. 1926. № 1–2. С. 267–270.
- Шиллинг 1927 – Шиллинг Е. Государственный центральный музей народоведения в Москве в 1926 г. // Этнография. 1927. № 1. С. 209.
- Шиллинг 1928 – Шиллинг Е. Государственный центральный музей народоведения // Этнография. 1928. № 2. Кн. 6. С. 134–138.
- Ярославская губерния 1926 – Ярославская губерния. Г. Ростов // Этнография. 1926. № 1–2. С. 284–285.

Научная литература

- Верховцев Д. В. До и после «нокдауна»: обсуждение национальности в 1920-х и теория этноса в 1970-х // Советская эпоха в этнокультурном измерении: Материалы Двадцати первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: Российский этнографический музей, 2022. С. 10–15.
- Головнев И. А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 244–263.
- Головнев А. В. Этнография в российской академической традиции // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 16–43.
- Казьмина О. Е., Соловей Т. Д., Бахматова М. Н., Федорова О. В. Этнокультурные идентичности в зеркале статистики: переписи населения России 1897–1937 гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2025. Т. 66. № 1. С. 158–173.
- Королькова Л. В. Маслова Гали Семёновна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/maslova-gali-semnovna/> (дата обращения: 25.06.2026).

- Королькова Л. В., Петряшин С. С., Фишман О. М., Шангина И. И. Золотарёв Давид Алексеевич // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/zolotarev-david-alekseevich/> (дата обращения: 25.06.2026).
- Кубель Е. Л. Толстов Сергей Павлович // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/tolstov-sergej-pavlovich/> (дата обращения 25.06.2026).
- Москвина Д. От поля к архиву: методика создания и бюрократическая подотчетность этнографических материалов в позднесоветской этнографии // Антропологический форум. 2025. № 67. С. 144–178.
- Петряшин С. С., Колчина Е. В. Гринкова Надежда Павловна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/grinkova-nadezhda-pavlovna/> (дата обращения: 25.06.2026).
- Соловей Т. Д. Наука о народах и нациестроительство первых десятилетий советского государства // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М. Ю. Мартынова, В. А. Тишков [и др.]; отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 44–67.
- Сорокина А. В. Комплексная антропологическая экспедиция 1 МГУ по Нижегородской губернии 1925–1929 гг. (по материалам фондов НЗГИАМЗ и ЦАНО) // Николай Добролюбов и нравственные и социальные уроки общественно-культурных процессов в российской и мировой истории. Добролюбовские традиции самореализации и универсализма в XIX–XXI вв. в синергии гуманитарных и точных наук. Сборник докладов Международных научных конференций «XLV Добролюбовские чтения» и «XLVI Добролюбовские чтения». Нижний Новгород, 2022. С. 155–162.
- Хартанович М. В., Шангина И. И. Бломквист Елена Эдуардовна // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Собиратели». URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/blomkvist-evgeniya-eduardovna/> (дата обращения: 25.06.2026).
- Шангина И. И. Этнографические рисунки: жилище. Материалы Верхневолжской этнологической экспедиции 1921–1925 гг. // Сайт «Российский этнографический музей». Раздел «Экспонаты». Дата публикации: 10.03.2012. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2371> (дата обращения: 25.06.2026).

References

- Golovnev, A. V. 2002. Etnografiya v rossiiskoi akademicheskoi traditsii [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. In *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State-Building and National Policy], 16–43. Moscow.
- Golovnev, I. A. 2021. «Zhivoi muzei» i «bor'ba za kul'turfil'mu» Borisa Sokolova [Boris Sokolov's «Living Museum» and the «Struggle for Kulturfilm»]. *Etnografiya* 3 (13): 244–263.
- Kaz'mina, O. E., T. D. Solovei, M. N. Bakhmatova and O. V. Fedorova. 2025. Etnokul'turnye identichnosti v zerkale statistika: perepisi naseleniya Rossii 1897–1937 godov [Ethnocultural Identities in the Mirror of Statistics: Russian Population Censuses from 1897 to 1937]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 8. History. Vol. 66. № 1*: 158–173.
- Khartanovich, M. V., and I. I. Shangina. 2026. *Blomkvist Elena Eduardovna* [Elena Eduardovna Blomkvist]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/blomkvist-evgeniya-eduardovna/> (Accessed: 25.06.2026).
- Korol'kova L. V., S. S. Petryashin, O. M. Fishman and I. I. Shangina. 2026. *Zolotarev David Alekseevich* [David Alekseevich Zolotarev]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/zolotarev-david-alekseevich/> (Accessed: 25.06.2026).
- Korol'kova, L. V. 2026. *Maslova Gali Semenovna* [Gali Semyonovna Maslova]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/maslova-gali-semnovna/> (Accessed: 25.06.2026).
- Kubel', E. L. *Tolstov Sergei Pavlovich* [Sergey Pavlovich Tolstov]. 2026. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/tolstov-sergej-pavlovich/> (Accessed: 25.06.2026).
- Moskvina, D. 2025. Ot polya k arkhivu: metodika sozdaniya i byurokraticheskaya podotchetnost' etnograficheskikh materialov v pozdnesovetskoi etnografii [From Field to Archive: Methodology of Creation and Bureaucratic Accountability of Ethnographic Materials in Late Soviet Ethnography]. *Antropologicheskii forum* 67: 144–178.
- Petryashin, S. S., and E. V. Kolchina. 2026. *Grinkova Nadezhda Pavlovna* [Nadezhda Grinkova Pavlovna]. URL: <https://ethnomuseum.ru/collections/collectors/grinkova-nadezhda-pavlovna/> (Accessed: 25.06.2026).
- Shangina, I. I. 2026. *Etnograficheskie risunki: zhilishche. Materialy Verkhnevolzhskoi etnologicheskoi ekspeditsii 1921–1925 gg.* [Ethnographic Drawings: Dwelling. Materials of the Upper Volga Ethnological Expedition, 1921–1925]. URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/entity/ARTICLE/2371> (Accessed: 25.06.2026).
- Solovei, T. D. 2002. Nauka o narodakh i natsiestroitel'stvo pervykh desyatiletii sovetskogo gosudarstva [The Science of Peoples and Nation-Building in the First Decades of the Soviet State]. In *Sovetskaya etnografiya v istorii gosudarstvennogo stroitel'stva i natsional'noi politiki* [Soviet Ethnography in the History of State Building and National Policy], 44–67. Moscow.

Sorokina, A. V. 2022. Kompleksnaya antropologicheskaya ekspeditsiya 1 MGU po Nizhegorodskoi gubernii 1925–1929 gg. [Complex Anthropological Expedition of the First Moscow State University to the Nizhny Novgorod Province, 1925–1929]. In *Nikolai Dobrolyubov i нравственные i социальные уроки обществено-культурных процессов в российской и мировой истории. Dobrolyubovskie traditsii samorealizatsii i universalizma v XIX–XXI vekakh v sinergii gumanitarnykh i tochnykh nauk. Sbornik dokladov Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsii «XLV Dobrolyubovskie chteniya» i «XLVI Dobrolyubovskie chteniya»* [Nikolai Dobrolyubov and the Moral and Social Lessons of Sociocultural Processes in Russian and World History. Dobrolyubov's Traditions of Self-Realization and Universalism in the 19th–21st Centuries in the Synergy of the Humanities and the Exact Sciences. Collection of Papers from the International Scientific Conferences «XLV Dobrolyubov Readings» and «XLVI Dobrolyubov Readings»], 155–162. Nizhnii Novgorod.

Verkhovtsev, D. V. 2022. Do i posle «nokdauna»: obsuzhdenie natsional'nosti v 1920 kh i teoriya etnosa v 1970 kh [Before and After the «Knockdown»: Discussions of Nationality in the 1920s and the Theory of Ethnos in the 1970s]. In *Sovetskaya epokha v etnokul'turnom izmerenii: Materialy Dvadtsat' pervykh Sankt Peterburgskikh etnograficheskikh chtenii* [The Soviet Era in Ethnocultural Dimension: Proceedings of the Twenty-First St. Petersburg Ethnographic Readings], 10–15. Saint Petersburg: Rossiiskii etnograficheskii muzei.

STUDYING THE RUSSIAN PEOPLE IN THE EXPEDITION WORK OF ETHNOGRAPHIC INSTITUTIONS OF THE 1920s

Abstract. This article provides a picture of the formation and activities of scientific institutions that responded to the tasks set for ethnography by the state in the 1920s. It demonstrates the broad range of participants in this project: scholars, organizers, local historians, and representatives of related disciplines. It examines the main expeditions, their geography, subject matter, methods, integrated approach, and issues of financing and organization; the collection and scientific attribution of artifacts; reporting, storage, presentation, and publication of expedition results; the theoretical problems posed by fieldwork participants; and interdisciplinary collaboration. It notes that ethnography of the 1920s managed to preserve and continue pre-revolutionary traditions.

Keywords: Soviet ethnography, 1920s, ethnographic research centers, ethnographers, anthropologists, expeditions, study of the Russian people, issues of continuity with the pre-revolutionary school, state tasks of ethnography.

Authors Info: Shlyakhtina, Natalya V. – Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalja.25.256@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9321-8863>

For citation: Shlyakhtina, N. V. 2026. Study of the Russian People in the Expeditionary Work of Ethnographic Institutions in the 1920s. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 45: 3–24

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

